

ИНТЕГРАЛЬНАЯ СОЦИОНИКА

УДК 159.923+316.3

Литвиненко И. Ю.

О ЧУВСТВЕ ЖАЛОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЛЬНЫХ ТИПОВ УКРАИНЫ И РОССИИ

Показано, что отношение к чувству жалости может отличаться в зависимости от квадральных ценностей соответствующих больших групп (стран).

Ключевые слова: соционика, квадральные ценности, интегральный тип информационного метаболизма.

Настоящая статья по своей форме будет напоминать скорее эссе, нежели строгое научное исследование. Ее научный элемент будет состоять в том, что для некоторых мыслей можно применить фрагменты соционического знания в качестве теоретико-методологических ориентиров при попытках постижения особенностей предмета рассмотрения. В первую очередь речь должна идти об интегральных типах информационного метаболизма (ТИМ) и соответствующих квадральных ценностях [1]. Возможно, это послужит инструментом для постижения нюансов при характеристиках больших групп в контексте одного из этических принципов.

Итак, моя жизнь складывалась таким образом, что я имел возможность видеть и в какой-то мере прочувствовать особенности интегрального ТИМа Украины непосредственно, прожив первые годы в украинском селе и затем проводя каждое лето почти целиком там же в течение всего школьного возраста. Могу отметить атмосферу умеренного коллективизма, а также действия социальных регуляторов мезоуровня, о которых говорил А. Притула в докладе «Звичаєве право» [6] – общественное мнение и совесть.

В контексте этих социокультурных особенностей вполне логично оказывалась и т.н. «жалость». Она представляла как вполне положительный и просоциальный императив и даже в частности выражалась в форме педагогического призыва к дошкольникам: «пожалій!». Это относилось к заброшенным или поломанным игрушкам; животным, товарищам по группе. Предполагалась реакция, во-первых, сопереживания, сочувствия; во-вторых – действенной помощи. В такой форме мы, украинцы, впитывали принцип гуманизма, который воспитывался не только в селе, но и в городском русскоязычном детсаду.

Когда меня заинтересовал этот вопрос, я обращался к разным соотечественникам, и они подтверждали – их воспитывали в таком духе независимо от места и воспитателя – от всевозможных родственников и просто старших людей до профессиональных педагогов.

И вот я вспоминаю своё удивление, когда в старших классах на одном из уроков по русской литературе я впервые услышал этическую формулу «жалость унижает». Самостоятельно я не мог понять – кого, каким образом и почему. От учительницы я не услышал удовлетворительных объяснений, а спрашивать не стал, оставшись в некоторой растерянности. Это отложилось в памяти как некий курьез, что «бывает еще и как-то так», и соотносилось с контекстом литературного произведения – персонажей, их характеров и отношений, как единичный случай.

Известно, что ранний юношеский возраст имеет отличительную особенность – интенсивные мировоззренческие и ценностные диалоги с ровесниками. У меня был такой собеседник (его ТИМ – ИЭЭ, ▲□). Он больше интересовался литературой – персонажами, их отношениями, социальными ценностями и тем, как они соотносятся с индивидуальными. Именно он как-то затронул тему этой этической формулы, задумавшись о ней после прочтения произведений Гончарова, Достоевского и Тургенева. Он говорил, что понял – иногда один человек «жалует» другого, и при этом испытывает чувство своего превосходства. Когда он проговаривает это чувство или даже помогает – он тем самым «унижает» этого другого. При этом тот другой, принимая помощь, так же осознает своё более низкое положение в сравнении с этим, и от этого тоже чувствует эту униженность, особенно если его положение реально настолько бедственное, что от помощи отказаться он не в силах. Более того, оба осознают контекст этого неравенства,

и если они состоят в хороших отношениях, то жалеющий не должен ни малейшим образом акцентировать момент помощи, чтобы не констатировать факт «униженности» того, кому помог. Это и выражается в этическом императиве «Жалость унижает», которым должен руководствоваться помогающий, чтобы не обидеть своим превосходством. Более того, даже возникало подозрение, что иногда унижение может быть и мотивом собственного «возвышения», который у помогающего реализуется в таком акте «жалости».

В итоге мы констатировали несоответствие того, что знали о жалости до того, и порешили, что «иногда такое бывает». Причины этого нам казались неведомыми и вполне субъективными. Что же можно сказать, сопоставляя эти, такие противоположные этические позиции? То, что в первой присутствует сочувствие равных людей, а во второй возникает контекст превосходства с одной стороны и униженности – с другой.

Чем же это можно объяснить? Возможно, первая позиция определяется ценностями четвертой *квадры*, где члены громады помогают друг другу? Например, в начале 70-х происходило массовое обкладывание кирпичом глинобитных хат, и к нам тоже пришли люди на помощь. Благодаря массовости участников, процесс прошел очень быстро. Мне кажется, это свидетельство наиболее резонное, так как речь идет не о словах, а о делах. Причем еще что интересно – люди пришли оказать помощь человеку, а относятся к нему как к хозяину, возможно, еще и потому, что по завершении процесса его жена, «хозяйюшка», – выкатывает финальное угощение ☺. Пожалеть непременно могут и жертву несчастных случаев, пожара, кражи, при этом не занимая «позицию сверху» и не повергают их в условия «долга», ибо «с каждым может случиться».

В то же время контекст «сверху/снизу» может актуализироваться в условиях социума с ценностями *центральных квадр* (только во второй это определяется местом в иерархии, а в третьей – индивидуальными достижениями [1]). Вульгаризированный принцип второй *квадры* «Я начальник – ты дурак» призван оправдывать самодурство верхнего по отношению к нижнему в иерархии, причем то, что верхний может не только казнить, но и миловать, «жалеть» – тоже должно работать на утверждение его возвышения.

Кстати говоря, в Украине безнаказанное самодурство начальства связано исключительно с эпохой имперской, а затем и еще в большей мере – советской оккупации, поскольку в исконных демократических установках украинской культуры наличествует неуважение к начальству. В среде казачества, например, кандидат на выборную должность по обычаю дважды отказывался от нее, соглашаясь лишь на третий раз, а потом следовал обряд, закрепляющий более высокий статус группы по отношению к избранному руководителю. Более того, миссия такого руководителя – не «править», а координировать коллективные действия и нести персональную ответственность за результат, вплоть до смертной казни (в указанном материале об этом есть – уважаемым был тот казак, что дожил до окончания каденции, а уж повторно избираемые считались безоговорочными авторитетами и были, по сути, национальными героями [6]).

То есть, «начальник» в украинской традиции был заведомо «неправ» («докажи обратное»), чтобы не пострадать за неправоту). В то же время, в традициях Московии (а после 1721 года – и т.н. России [3]) закреплено противоположное – начальник всегда прав, и даже если это не так, его защищал от санкций закон и этика. Даже выборы не могли убрать человека от власти, поскольку их не было – верховная власть наследовалась, а нижние управленческие звенья назначались сверху.

Отдельным вопросом может стать и следующий – так ли уж неизбежен контекст унижения и, как следствие, унижающей «жалости» в условиях второй *квадры*? Мы привыкли в несомненно второквадральном социуме т.н. России, т.е. Московии усматривать чуть ли не классический образец β-ценностей, в то время как есть и другие социумы – Германия, Польша, Италия...

Имеется материал под названием «Российский ресентимент», в котором обосновывается, что общественное сознание страны, складывавшееся со времен Московского княжества, не вполне здорово. И свои болезненные компоненты не способно «осознать», при этом усматривает их у других, даже если их там нет [5]. Контекст униженности присутствует и там в качестве одного из ракурсов предмета рассмотрения. Однако в самом материале не прослеживаются до-

статочно отчетливо причинно-следственные связи между собственно ресентиментом и контекстом униженности, хотя можно усмотреть предпосылки для ответа на этот вопрос.

В указанном материале приводится энциклопедическое определение: «в этике ресентиментом принято считать чувство враждебности к тому, что субъект считает причиной своих неудач (к «врагу»), бессильную зависть, сознание тщетности попыток повысить свой статус в обществе» [2]. Итак, в нем усматривается как минимум три стороны – собственно чувство как устойчивое переживание; предмет этого чувства и его мишень.

Собственно **чувство** оказывается многокомпонентным – оно состоит из «враждебности», «зависти» и того, что можно назвать «безнадёгой» (перефразируя «тщетность попыток»).

Возможно, из такого комплекса переживаний следует и **предмет** этого чувства – униженность, от которой невозможно избавиться. Если попытаться увидеть причинно-следственные связи, то может оказаться, что как раз переживание униженности является основой, которая, собственно, порождает и зависть, и враждебность, поскольку для униженности сложились объективные условия в виде скудости ресурса. Тогда становится возможной и одна из реакций на такое положение – перманентная озлобленность, которая делает **мишенью** этого чувства всё что ни попадя – как реальный источник бедствия («врага» из приведенного определения), так и даже того, кто своей помощью актуализирует контекст бедственности.

Автор материала о ресентименте продвигает мысль о том, что это безусловно болезненное явление, и похоже на то, что это – диагноз всей большой социальной группе, о которой идет речь. Анализ этих проявлений болезненности, сделанный автором указанного материала, не оставляет пространства для сомнений в таком выводе по поводу обобщенного сознания этой группы. Однако в материале почти ничего нет о причинах такого положения. Речь идет разве что «о глубокой постимперской травме»; про «всю полноту уязвленного великодержавного сознания», озвученную поэтом И. Бродским и процитированную в отрывке его произведения (приведено в [5]). Также автор приводит побочное определение Якова Кротова – «ресентимент – это ненависть раба ко всему, где ему чудится свобода» [4].

Возможно, для нашего вопроса значимым является фактор, который можно было бы обозначить как «мера авторитарности» в большой группе. Если это так, то феномены, которые исследователями расцениваются как болезненные для общества, определяются этим фактором, и нужно обратить познавательные взоры на историю большой группы. «Рабство», о котором говорит упомянутый исследователь, не просто имело место во времена Золотой Орды да еще и длительное время, – оно продолжилось и в последующих формах московской государственности и таким образом положило начало т.н. «отрицательному отбору», при котором смелые свободолюбивые люди уничтожались, а выживали те, кто признавал авторитаризм под видом патернализма.

Казалось бы, предельное единство и лояльность руководству государства должно было бы способствовать такой солидарности в большой группе, что там находилось бы место и для сочувствия согражданам, и жалость не считалась бы чем-то унижающим. Однако при размышлениях на эту тему возникло понимание вопроса, немного контрастирующее с прежними воззрениями. Речь идет о разновидностях т.н. «**коллективизма**» аристократических *квандр* – «умеренный» у *квандры* δ и «крайний» у β .

Что же такое «крайний коллективизм»? Ответ на это вопрос оказывается весьма зависящим от точки зрения. Если стоять на позиции «дельтовского» умеренного коллективизма, то может показаться, что «крайность» как особое качество коллективизма должно усиливать то, что есть в умеренном – еще лучше отношения на мезоуровне, еще большее взаимоуважение, забота и помощь. Однако это может быть совсем не так, если убрать «умеренноколлективистские» предубеждения. Изнутри крайнего коллективизма могут наблюдаться такие эффекты, как нивелирование индивидуальности членов общества, следовательно – игнорирование их запросов, проблем и мнений, а главное – вопрос о том, добровольно ли они поддерживают интегрирующую идею. Результатом такого положения может оказаться такой феномен как «одиночество в толпе», что кажется достаточно парадоксальным для второй *квандры*. Коллективизм в своей крайней форме становится своей противоположностью, но только с точки зрения индивида, в то время как группа остается монолитной.

В такой ситуации внимание к проблемам другого, и тем более – сопереживание – становятся неуместными, тогда и нормальная человеческая реакция на них объявляется недопустимой «жалостью». В жестко тоталитарных больших группах индивидастораживает само наличие затруднений у другого – а вдруг это индикатор того, что этот другой «выпал из системы»? Тогда нам с ним точно не по пути. Получается, что империи жалость просто «унижала», а в советские времена становилась и вовсе опасной – а вдруг тебя, который пожалел врага, привлекут с ним за компанию?

Так или иначе, чувство жалости к ближнему оказывается индикатором не только квадратных ценностей, но и более масштабных феноменов – психологического здоровья собственно большой группы в целом.

Л и т е р а т у р а :

1. Букалов А.В. Интегральная соционика. Типы коллективов, наций, государств. Этносоционика // Соционика, ментология и психология личности. — 1998. — №5.
2. Гусейнов А.А. Ресентимент. // Этика. Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2001.
3. Дашкевич Я. Как Московия украла историю Киевской Руси-Украины. — URL: <http://universum.lviv.ua/journal/2011/6/dashk.htm>.
4. Кротов Я. Свойства без человека. — URL: http://krotov.info/yakov/essai/2_svoystva/resentiment.htm.
5. Медведев С. Русский ресентимент. — URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/6/russkiy-resentiment>.
6. Притула О. Українське звичаєве право. Витоки. Сакральність. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zlfDujHjKfM&index=16&list=PL5uLBualQhD70gzdRPk28EYjjWURsD--q>.